

RU

Аграрная история Северо-Восточного Китая: период Маньчжоуго (1932-1945 гг.)

Белоглазов Г. П.

Аннотация. Цель исследования заключается в заполнении информационной лакуны в отечественной историографии по истории реорганизации аграрного комплекса Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) в контексте трансформации традиционных аграрных структур региона в исследуемый период истории Китая. Научная новизна исследования определяется малоизученностью проблемы, введением в научный оборот новых фактических материалов и интерпретацией фактов с позиции современного видения исторического опыта аграрных преобразований в Китае и странах Востока. В результате исследования было выявлено, что в период Маньчжоуго все попытки японских оккупационных властей решить аграрный вопрос и социальные проблемы маньчжурской деревни, не изменив социального уклада, системы землевладения и землепользования, по сути, оставив их в рамках прежних, традиционных аграрных отношений при ужесточении колониальной эксплуатации крестьянства, обернулись деградацией аграрной сферы и сельского социума северо-восточного региона Китая.

EN

Agrarian History of North-Eastern China: Manchukuo Period (1932-1945)

Beloglazov G. P.

Abstract. The article compensates the lack of domestic studies on reorganization of agrarian complex of North-Eastern China (Manchuria) in Manchukuo period. The analysis is conducted through the prism of transformation of regional agrarian structures. The author considers a poorly investigated problem, introduces new factual material into scientific circulation, proposes a contemporary vision of agrarian transformations in China and Eastern countries, and herein lies scientific originality of the study. The conducted research allows concluding that in Manchukuo period Japanese occupation authorities wanted to solve social-agrarian problems of Manchurian countryside within the framework of traditional agricultural relations; they did not try to change social structure, land owning and land use system but strengthened colonial exploitation of peasantry. Such a policy resulted in degradation of agrarian sector and social sphere of North-Eastern China.

Введение

Отечественные исследователи рассматривают аграрную историю Маньчжурии периода японской оккупации 1931-1945 гг. как составную часть аграрной истории Китая. Актуальность проблематики статьи обусловлена прежде всего оживлением в последние годы в научной сфере исторических исследований по социальной, экономической, политической и гуманитарной истории регионов Китая (см., например, завершённое в ИИАиЭ ДВО РАН в текущем году 5-томное издание «История Северо-Восточного Китая в XVII-XX вв.»), однако до сих пор отсутствуют труды, которые бы ставили своей целью целостное теоретическое осмысление проблем аграрной истории одного из своеобразных ведущих пограничных с РФ регионов КНР, его северо-восточной части, бывшей Маньчжурии, в один из драматичных периодов истории Китая – его 14-летней японской оккупации. Различные аспекты аграрной политики японских оккупационных властей и правительства Маньчжоуго исследовались в отечественной и зарубежной историографии. Но многие основополагающие моменты, такие как комплекс экономических и социальных факторов, определявших состояние маньчжурского сельского хозяйства, различные мероприятия, намечавшиеся и проводившиеся оккупационными властями в аграрном производстве и сельском социуме, не получили ещё обобщающего изучения. В связи с этим выявление новых и современная интерпретация исторических фактов и событий по заявленной проблеме, их анализ и осмысление ситуации в аграрном комплексе страны с позиции сегодняшнего дня, безусловно, необходимы в изучении региональной истории Китая в научном и практическом ракурсах.

Аграрный вопрос в Маньчжурии рассматриваемого периода выступает как двойственная проблема – экономическая и социальная. Оба аспекта неразрывно взаимосвязаны: экономическое развитие аграрной сферы Маньчжоуго и социальные отношения в деревне взаимозависели от состояния друг друга и находились под влиянием на них внешнего фактора, в данном случае Японии. Этим детерминирована необходимость постановки следующих задач: 1) изучить процесс японской и корейской колонизации Маньчжурии и влияние в социальной и экономической сферах региона; 2) отразить процесс формирования и управления колониальной моделью аграрного сектора экономики Маньчжоуго; 3) определить состояние сельского социума в период Маньчжоуго и дать оценку попыткам японских властей провести ограниченную модернизацию аграрной сферы региона.

Методологическую основу статьи составляет теория научного познания, главными принципами которой являются объективность и историзм, поэтому в изучении аграрной истории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) мы используем и цивилизационный, и формационный подходы. Проект предусматривает использование сравнительно-типологического метода в данном историко-научном исследовании во взаимодействии с общецивилизационным подходом к изучению исторического концепта – аграрного строя Маньчжурии периода её японской оккупации. В определённой степени, японская модель влияния и преобразования аграрной сферы Маньчжурии несла в себе атрибуты и идеи, которые базировались на формационном подходе к историческому процессу. При сопоставлении основных факторов жизнедеятельности японцев и китайцев в регионе применен сравнительно-исторический метод. При анализе межгосударственных и межтерриториальных миграционных процессов, происходивших внутри социума, применяется историко-генетический метод. При необходимости использовались и общепринятые методы в исторических исследованиях: хронологический и историко-сравнительный, а также системно-синергический подход и приемы количественного и контекстуального анализа.

Теоретической базой исследования являются труды отечественных и зарубежных авторов. Среди первых из них следует выделить работы В. А. Анучина (1948), П. И. Глушакова (1948), Г. Ф. Захаровой (1990), А. В. Меликсетова (1972), Б. Г. Сапожникова (1971, 1977), Е. Е. Яшнова (1926) и др. К ведущим зарубежным авторам, главным образом китайским, относятся Сан Жуньшэн (1987), У Тинъю (1989), W. I. Ladejinsky (1941). Многие уже известные факты, изложенные в отмеченных работах, пересмотрены с учетом современных реалий.

Полученные сведения могут быть использованы для дальнейшего, более детального изучения данной темы, при разработке лекционных курсов по аграрной проблематике для студентов вузов, написании трудов по социально-экономической истории дальневосточных регионов РФ и КНР и аграрной истории двух стран, в частности «Аграрной истории Маньчжурии XVII – начала XXI в.».

Основная часть

Сельское хозяйство являлось одним из приоритетов в планах по колонизации Маньчжурии, и самыми первыми мероприятиями японских властей стали отчуждение земель китайских крестьян и заселение их японскими и корейскими колонистами. Ещё до событий 18 сентября 1931 г., японские колонисты настойчиво добивались от китайского правительства права земельной собственности в Маньчжурии. В 1915 г. японский официоз “Manchuria D.N.” манифестировала право земельной собственности в качестве фундамента будущего благополучия японцев и развития колонизаторской деятельности в Маньчжурии для сотен тысяч японских колонистов (Японцы в Маньчжурии, 1915, с. 241-242).

Если до оккупации число японцев в Маньчжурии составляло около 250 тыс., при этом 115 тыс. в Квантунской области, то уже к концу 1932 г. их число достигло 390 тыс., из них 220 тыс. вне границ Квантунской области (Japan Times, 1942). У границ с Советским Союзом было создано 7 провинций, в пределах которых выделили пограничные полосы для строительства укрепленных районов и специальных поселений. Эти полосы объявлялись запретными, китайское население подлежало выселению (Сапожников, 1977, с. 3). В октябре 1932 г. первая военизированная партия японских мигрантов прибыла в уезд Цзямусы, а в феврале 1933 г. она обосновалась на новом месте в поселении Цюфэнчжэнь уезда Хуачжоу. В феврале 1934 г. и августе 1936 г. партии сельских мигрантов, сформированные из японской молодёжи, в общем составе 190 чел. прибыли в у. Нинань, в созданный ими «пограничный учебный лагерь» (Летопись основных событий..., 1987, с. 137, 143). В период с 1932 по 1937 гг. японские власти провели 5 кампаний по переселению военных колонистов в Маньчжурию, а всего за 14 лет оккупации было 13 подобных мероприятий. К июлю 1936 г. число японских переселенцев в регионе составило более 710 тыс. чел., корейских – более 850 тыс., захвативших более 120 тыс. га крестьянских земель (миньтянь) (Летопись основных событий..., 1987, с. 133-187). В 1936 г. Квантунская армия совместно с японским «Акционерным обществом по освоению земель Маньчжоуго» разработала «Проект переселения японских мигрантов-аграриев в Маньчжоуго и их обустройства в сельской местности до 1 млн крестьянских дворов», согласно которому начиная с 1937 г. в течение 20 лет намечалось переселить в Маньчжурию 1 млн семей (дворов), или 5 млн чел. японских и корейских колонистов, передав им 10,66 млн га земли (История марионетного государства..., 1981, с. 342). 26 августа 1936 г. Министерство сельского хозяйства Японии подтвердило, что переселение в Маньчжоуго является одним из важнейших мероприятий Великой Японии. С конца 1938 г. основными местами концентрации японских сельскохозяйственных переселенцев стали Хэйлунцзян, Бинцзян, Саньцзян, Муданьцзян (Летопись основных событий..., 1987, с. 156, 157).

В период с 1931 по 1941 гг. японская аграрная миграция в Маньчжурию увеличилась в 10 раз. Некоторые из мигрантов были вооружены винтовками, пулеметами и минометами. Их число составляло 119 132 чел.

(41 249 домохозяйств). Они были распределены в Баяне, Чжухэ, Илане, Баоцине, Хэйхэ и в других приграничных районах, захватив посевные площади в более чем 200 тыс. кв. м у местных землевладельцев среднего достатка и бедных крестьян, которые стали издольщиками своей бывшей земли или наемными работниками (Чжан Сянлин, 1999, с. 94).

В 1941 г. в провинциях Маньчжоуго японские власти образовали 89 колонизационных районов, в т.ч. в пров. Сунцзян – 26 районов, Биньцзян – 16, Дунъянь – 14, Лунцзян – 7, в пров. Цзилинь – 6, Муданьцзян – 5. Наиболее важные поселения располагались в восточных и северо-восточных районах, граничащих с СССР. В 1943 г. дополнительно создали ещё 76 новых колонизационных районов (Чжан Сянлин, 1999, с. 94). Впоследствии под предлогом охраны созданных японских поселений от действий отрядов Добровольческой антияпонской армии Маньчжурии японские власти насильно проводили «объединение деревень» – «бинцунь», вынуждая китайских крестьян покидать деревни или сдавать землю в аренду за мизерную оплату. Например, в 1932 г. в пригороде Шэньяна участок земли среднезажиточной семьи приобретался за мизерную сумму в 30-40 юаней – несколько американских долларов (Сан Жуньшэн, 1987, с. 215). Использовались и другие насильственные и неправомерные методы по захвату китайской земли. По другим данным, японцы, создав специальное Бюро военных земель, транспортных земель, иммиграционных земель и совместных земель, занимали пахотные земли китайских собственников, искусственно занижая цены (Чжан Сянлин, 1999, с. 94).

Японцы в лице аграрных компаний и колонистов стали крупнейшими землевладельцами. К весне 1941 г. было изъято более 20 млн га земли – пахотной и другого сельскохозяйственного назначения, а также лесные угодья, что составляло около 32 млн га, или 1/3 всей территории Маньчжурии (Глушаков, 1948, с. 88). В период с 1942 по 1945 гг. было «приобретено» дополнительно ещё 5,5 млн га (Чжан Юньцзяо, Чжан Чжаньбинь, 1986, с. 109).

Больше всего пахотных и целинных земель, лесных угодий сосредоточилось у «Маньчжурской колонизационной компании», которая разными путями приобрела уже к 1940 г. 5 млн га земли. Японские колонизационные общества «Кайтацу» и «Мантаку» владели 6 млн га пашни (Анучин, 1948, с. 56). Довольно большие площади земли принадлежали концерну ЮМЖД. Новые владельцы земли предпочитали сдавать ее в аренду китайским крестьянам, которые обрабатывали ее на кабальных условиях «феодалной» аренды.

В июне 1941 г. японские власти объявили о 2-м пятилетнем «Плане заселения Маньчжоуго сельскохозяйственными колонистами в 1 млн дворов», согласно которому 200 тыс. японских сельских хозяйств должны быть размещены в СВК (Летопись основных событий..., 1987, с. 178), хотя и 1-й План (1932-1937 гг.) колонизации земель не был выполнен, в Маньчжурию переселилось 42 635 японских семей, что составило 52,4% плановых показателей (Захарова, 1990, с. 146; Десятилетняя история..., 1942, с. 129). В последние годы оккупации японские власти создавали специальные поселения корейских колонистов из «благонадёжных» элементов и подсобные хозяйства при крупных предприятиях и учреждениях, но без особых успехов. Судя по японским официальным и, несомненно, преувеличенным отчётам, вся площадь обработанной земли в хозяйствах новых японских и корейских колонистов, непосредственно владевших землёй и занимавшихся её обработкой, насчитывала в 1940 г. 118,7 тыс. га, к 1944 г. предполагалось увеличить эту площадь до 750 тыс. га. И тем не менее это составляло бы очень скромную долю во всей обрабатываемой площади региона. В аграрном производстве Маньчжурии и во время оккупации основную роль играли китайские хозяйства (Глушаков, 1948, с. 93). Сущность аграрных отношений в Маньчжурии во время японской оккупации не изменилась. Разница заключалась только в том, что теперь китайских крестьян эксплуатировали не только свои земельные собственники, но и японцы, главным образом посредством «полуфеодалных» арендных отношений.

Арендные отношения – один из важных вопросов аграрной истории Китая, тесно связанный с производством и бытом широких масс крестьянства, и являющийся составной частью общеэкономического базиса. Структура собственности на землю в Маньчжурии после её оккупации Японией в 1931 г. в целом не изменилась за исключением районов с японскими и корейскими переселенцами. Зажиточные хозяйства («помещичье-кулацкий блок») маньчжурской деревни составляли 14,3% всех земельных собственников и концентрировали в своей собственности более половины – 52% – общей пахотной площади Северной Маньчжурии. По другим данным, в начале 1930-х гг. у крупных земельных собственников и японских земельных компаний находилось около 70% пахотной площади, остальные крестьянские дворы владели лишь 30% пахотной земли (История войны на Тихом океане, 1957-1958, с. 146-147).

Что касается структуры землепользования, то, по данным обследования 1932-34 гг., в 62 образцовых деревнях 14 уездов 3-х провинций (Ляонин, Цзилинь, Хэйлунцзян) доля чистых арендных хозяйств составляла 16,8%, полуарендаторских – 14,4%, хозяйств с наёмным трудом – 4,5%, самостоятельных хозяйств – 25,8%, ведущих смешанное хозяйство – 11% (У Тиньюй, 1989, с. 242). В целом, структура крестьянских хозяйств в 3-х провинциях СВК отличалась от таковой Внутреннего Китая: 1) было мало «чистых» арендаторов, но довольно много совмещающих аренду с наймом рабочей силы; 2) в деревне доля наемных работников – батраков была значительно выше, в среднем больше в 4-9 раз, по сравнению с провинциями Внутреннего Китая; 3) в деревнях Маньчжурии повсеместно имелись люди со смешанными занятиями, что было связано со значительным наплывом китайских переселенцев, часть которых стали в маньчжурской деревне мелкими торговцами и ремесленниками.

Изъятие прибавочного продукта у преобладающей части сельского населения в Маньчжурии осуществлялось путём взимания земельной ренты, выступающей в виде арендной платы и налогов. Согласно материалам обследований, в регионе существовало три основных категории арендной платы: 1) натуральная (продуктовая) рента – «лянцзу» или «уцзу» и «фэньцзу»; 2) денежная – «хобицзу» или «цяньцзу» и 3) смешанная денежно-натуральная

рента. В отдельных деревнях региона ещё оставалась отработочная рента («дингун»), которая как форма платы составляла незначительную величину и, судя по всему, входила в натуральную или денежную. Стоит выделить в самостоятельный вид и предпринимательскую ренту, так как такие хозяйства, фермы и плантации сельскохозяйственных компаний с применением наёмного труда были широко распространены в Маньчжурии.

Наиболее распространённой была натуральная форма арендной платы, в среднем 55,7% контрактов заключалось с натуральной платой за землю, которая, в свою очередь, выступала в двух видах: 1) с фиксированной долей урожая («динцзу» или «сыцзу» – досл. «мёртвая аренда») и 2) издольная («фэньцзу»). По данным обследования 1932-34 гг., в пров. Ляонин натуральная рента составляла 39,1%, натурально-денежная рента – 33,1%, денежная рента – 26%. В провинции Цзилинь натуральная рента – 81,7%, частично-натуральная – 12,4%, денежная – 2,8%. В провинции Хэйлунцзян натуральная рента – 37,7%, частично-натуральная – 50,4%, денежная – 0,3% (У Тинъю, 1989, с. 243). Использовались и другие системы арендной платы. Например, залоговая рента и вторичная рента.

С началом Тихоокеанской войны (1937 г.) японцы ужесточили политику изъятия аграрной продукции из Маньчжурии, принудив китайских сельских производителей продавать по сниженным ценам, и запретили им частную торговлю, сокрытие и перевозку зерна; нарушители считались «государственными преступниками» и строго наказывались. Особенно тяжёлым бременем для крестьян стала реализация налоговой политики «Чукэ» (досл. «сверхмерное бремя») – взимание зерновой подати-налога, суть которой была следующей. Для каждого поля устанавливали заранее, сколько необходимо собрать «чукэ» с каждого шана, и в назначенный срок крестьяне должны были доставить в скупочный пункт такое количество зерна и продать его по ценам, установленным властями. Ежегодно с каждого шана при производстве 1000 кг зерна по меньшей мере необходимо было по налогу «чукэ» отдать 700-800 кг зерна, остаток в 200-300 кг зерна доставался крестьянину. Например, в 1945 г. в пров. Цзилинь было произведено 850 тыс. т сои, а «чукэ» составило 700 тыс. т; гаоляна и гуцзы – 2,2 млн т, «чукэ» составило 1,1 млн т (У Тинъю, 1989, с. 246). Ежегодно посредством системы «чукэ» изымалось 50-80% общего производства товарного зерна. Что касается поливного риса и пшеницы, то они должны были поставляться полностью, потребление их китайцами строго запрещали, а нарушителей наказывали.

Кроме «чукэ», крестьяне Маньчжурии несли бремя отработок. Отработки делились на 2 вида: 1) короткий срок, в данном районе, в данном уезде и 2) длинный срок – на полгода для строительства военных сооружений японской Квантунской армии на границах Маньчжоуго, иногда на год и более.

Во Внутреннем Китае земельный налог платили только землевладельцы, но в Маньчжурии часть арендаторов, кроме уплаты ренты владельцу земли, ещё платили земельный налог правительствам разных уровней: основной налог государству («дацзу»), вторым бременем были уездные и деревенские налоги.

Помимо земельного налога с высокими ставками, арендаторские хозяйства и собственники земли должны были в определённые сроки и по установленным казною ценам, в определённом количестве сдавать зерно японским заготовительным «Отделам по хлебным закупкам», что являлось своеобразной «хлебной продрозвёрткой». Из производившихся ежегодно только в пров. Цзилинь в период Маньчжоуго риса и пшеницы в размере 1,7 млн т «закупки» составляли 58,8%; кукурузы, гаоляна и других просяных культур в 2,2 млн т «закупки» составляли 1,1 млн т, или 50%. Цены, устанавливавшиеся официальными «закупочными фирмами», значительно отличались от рыночных. Так, каждая сотня кг соевых бобов на рынке стоила 200 местных юаней, в то время как цены, установленные властями, составляли 17 юаней, т.е. 8,5% от рыночных цен, кроме того, удерживался ещё и обязательный страховой сбор в 2% (Сан Жуньшэн, 1987, с. 216). В итоге после обязательных платежей крестьянину оставался минимум на жизнь.

Японскими властями практиковались обязательные для китайских крестьян посадки риса, при этом практически весь урожай риса скупался закупочными фирмами, в первую очередь, для снабжения Квантунской армии. Большинство изъятых разными способами у китайских сельских производителей аграрной продукции уходило в метрополию – Японию. В 1943 и 1944 гг. лишь по одной статье «зерновые закупки» у сельских хозяйств изъяти 7,6 млн и 8,7 млн т зерна соответственно, что составляло около 40-59% от всего производства зерновой продукции Маньчжоуго в то время в 19,4 млн т (Цзе Сюецунь, 1981, с. 194).

Крестьянство Маньчжоуго в широких масштабах подвергалось военной и трудовой повинности. В «Тезисах по урегулированию маньчжуро-монгольских вопросов», принятых на сессии японского Кабинета министров, было определено: «...не разрешать создание регулярной армии в новых государствах» (Сан Жуньшэн, 1987, с. 218). Однако, как только начались широкомасштабные военные действия против Китая, последовало распоряжение о рабочей повинности для населения Маньчжоуго в возрасте от 17 до 56 лет, лица в возрасте от 20 до 23 лет, кроме того, должны были отбывать военную службу. Лишь за 1940-41 гг. было завербовано 1,5 млн «государственных солдат» – «гобин», служивших в японской армии «пушечным мясом». В 1944 г. было привлечено к работам 1,2 млн чел., а за первую половину 1945 г. число завербованных солдат-рабочих достигло 2 млн чел. (Сан Жуньшэн, 1987, с. 218). Практически каждый десятый житель (мужчина в возрасте 17-56 лет) отбывал трудовую или военную повинность. Трудовая повинность была двух видов: «Трудовое обслуживание» и «Общественная работа». Привлечённые к службе китайские крестьяне выполняли требования японских военных по строительству дорог, транспортировке военных грузов и т.д. Так, в июне 1935 г. в различных уездах пров. Хэйлунцзян по распоряжению военного ведомства в период летней страды организовали 50 обозов для транспортировки военных грузов на срок в полмесяца. В уездах Исянь, Синчэн, Суйчжун и др. пров. Ляонин организовали 150 обозов и более 300 носильщиков. Крестьяне должны были иметь собственный тягловый скот, телеги, провиант и фураж. Часто носильщики не выдерживали тягот и умирали. По некоторым

данным, около 20% рабочих, задействованных на работах по транспортировке грузов, умирало от болезней и непосильной работы (Сан Жуньшэн, 1987, с. 218). Из-за нещадной эксплуатации японцами китайских крестьян производительные силы в сельском хозяйстве Маньчжурии были серьёзно подорваны, что неизбежно влияло на производство аграрной продукции. Известный китайский экономист Чэнь Ханьшэн, отмечавший негативную роль военных реквизиций, писал: «Одних военных реквизиций было достаточно, чтобы ускорить упадок сельского хозяйства» (Chen Han-sen, 1933, с. 177).

Провозгласив лозунг «совместное процветание японской и маньчжурской экономик» с целью ещё большего выкачивания аграрных ресурсов из Маньчжурии, в июле 1934 г. японцы создали специальную «Сельскохозяйственную компанию (нунье гунсы)» с начальным капиталом свыше 1 млн маньч. юаней, которая подразделялась на несколько фирм (филиалов): 1. «Единая производственная фирма (Ко)» с капиталом в 10 млн яп. иен; 2. «Единая сельскохозяйственная компания (фирма)» с капиталом в 5,5 яп. иен; 3. «Маньчжуро-японская-азиатская конопляная компания (Ко)» с капиталом 2 млн маньч. юаней; 4. «Японо-маньчжурская корпорация по выращиванию длинношерстных овец» с капиталом 2 млн маньч. юаней; 5. «Маньчжурская хлопковая Ко» с капиталом 2 млн маньч. юаней; 6. «Японо-маньчжурская хлопковая корпорация» с капиталом в 2 млн маньч. валюты. Кроме того, в различных провинциях Маньчжоуго работали: «Государственная сельскохозяйственная станция», «Общество содействия сельскому хозяйству», «Кооперация по развитию сельского хозяйства» и др. организации, обеспечивавшие контроль над аграрной сферой региона. Наиболее активную деятельность по всем деревням Маньчжурии вела «Корпорация по развитию сельского хозяйства». Такая система управления аграрным производством в Маньчжурии позволяла контролировать производство зерна и продовольственных культур, а также принуждение крестьян к выращиванию опиума, хлопка и закупки аграрной продукции и товаров подсобного промысла (Сан Жуньшэн, 1987, с. 215).

Статья 3 изданного в 1942 г. «Кодекса чрезвычайной экономической политики военного времени» гласила: «Что касается сельскохозяйственной продукции, необходимо стремиться активно наращивать производство и своевременно удовлетворять чрезвычайные потребности Японии в военное время – это единственная цель нашей экономической политики» (Чжан Хунцзюнь, Лю Инцзе, Ли Сюэчэн, 2005, с. 95). Внутреннее производство Японией зерна не могло удовлетворить огромные военные потребности, и плодородные земли Маньчжурии, известные как «зернохранилище», стали дополнением к военным «пайкам» Японии. Вследствие того, что продовольствие из Маньчжурии стало важным стратегическим ресурсом, применялись чрезвычайно жесткие ограничения на потребление продуктов питания, контролировалось их распределение, ужесточали нормы рациона на продовольственные пайки. Так, в 1943 г. в деревнях близ Аньшаня и Фушуня месячный паек для взрослых составлял 7 кг зерна, крестьяне вынуждены были питаться в основном лапшой на пару и бобовым напитком (Чжан Хунцзюнь, Лю Инцзе, Ли Сюэчэн, 2005, с. 95). В 1942 г. в северных уездах пров. Фэнтянь месячный рацион питания на человека с февраля по апрель сократился с 9 кг до 5 кг зерна, в мае он смешивался с рационом 3,5 кг рисовой лапши с заплесневелыми почками. В такой ситуации у большинства жителей деревень Северо-Востока «часто случались голодные дни, нередко были самоубийства» (Цзяо Жанмин, 1987, с. 182).

В 1938 г. японские власти провозгласили «третью институциональную перестройку». В аграрной сфере региона она свелась к созданию кооперативов, усилению административной власти над сельскохозяйственным производством и контролю над сельским социумом. Согласно ст. 10 Закона о кооперативах, их целью «являлось дальнейшее развитие сельского хозяйства объединёнными усилиями членов кооперативов и одновременно обеспечение благосостояния последних» (Ladejinsky, 1941, с. 322). В деревнях создавались сельскохозяйственные кооперативы, работавшие по принципу «Зерно бесплатно», заставляя фермеров продавать государству аграрную продукцию по официальным ценам, но так называемая «официальная цена» была значительно ниже рыночной. За 100 кг сои фермеры получали лишь 17 юаней, что было эквивалентно 8,5% от рыночной цены, составлявшей 200 юаней (Чжан Хунцзюнь, Лю Инцзе, Ли Сюэчэн, 2005, с. 94). Путем создания кооперативов японские власти пытались наладить механизм надлежащего изъятия произведённой продукции из маньчжурской деревни. Указом от 1 сентября 1940 г. при сельскохозяйственных кооперативах были созданы заготовительные пункты для приема аграрной продукции (Сапожников, 1971, с. 87-88). Однако вопреки угрозам и давлению со стороны властей кооперативы не получили широкого распространения (Захарова, 1990, с. 143).

В целом, «третья институциональная перестройка» для сельского социума региона обернулась заметным ростом дороговизны, ухудшением снабжения продовольствием, увеличением налогов, широким использованием принудительного труда на строительстве военных объектов – все это снижало и без того низкий уровень жизни сельских масс. В июне 1939 г. была принята система распределения риса, вводившая запрет на его потребление в качестве обычной пищи (Хроника основных событий..., 1990, с. 325). В 1940-1941 гг. вслед за ликвидацией свободной крестьянской торговли, сначала в городах, а затем и в сельской местности, была введена карточная система на продовольствие и товары первой необходимости. Несмотря на стремление властей поддерживать твердые цены на товары, в годы войны их рост составил до 4-5% в месяц (Этнокультурные и социально-экономические проблемы..., 2013, с. 169).

Понимая необходимость увеличения производства аграрной продукции для снабжения продовольствием армейских частей в Маньчжоуго, японские власти предпринимали меры по интенсификации сельского хозяйства. С 1942 г. в регионе стали создаваться «образцовые», или «возрождающиеся», деревни, с помощью которых японцы стремились повысить урожайность аграрных культур, внедрить передовые методы их обработки, а главное – поднять производительность труда. За выполнение норм поставок аграрной продукции «образцовым» деревням предоставляли льготы по налогам, выдавали денежные ссуды. Но и здесь система коллективной сдачи собранного урожая осуществлялась под контролем полиции и воинских частей (Захарова, 1990, с. 144).

Обеспокоенные значительным сокращением урожаев по наиболее интересным для них культурам, японские власти пробовали предпринять некоторые меры по улучшению техники сельского хозяйства. В 1940 г. они учредили специальное «Маньчжурское общество сельскохозяйственных машин» с целью внедрения в сельское хозяйство Маньчжурии современных машин и орудий. Аграрная техника, стоившая очень дорого, направлялась, прежде всего, в японские поселения и, в редких случаях, попадала в хозяйства китайских крестьян (преимущественно зажиточных) (Глушаков, 1948, с. 95-96; Захарова, 1990, с. 145). В Маньчжурии производства современных машин и орудий до японской оккупации не было. В небольших количествах использовались лишь завезённые русскими земледельцами первые советские трактора и закупленная за границей (в США и Германии) крупными земельными собственниками – китайцами – современная для того времени сельскохозяйственная техника и трактора. В период оккупации, когда всё промышленное производство, созданное японцами, подчинилось чисто военным целям, о каких-либо серьёзных делах в области сельскохозяйственного машиностроения не было и речи. Однако некоторое количество тракторов всё же было задействовано в колониях японских поселенцев и в некоторых других крупных хозяйствах: по некоторым данным, в 1940 г. в Маньчжурии имелось 240 тракторов, из которых работало лишь 168 (Глушаков, 1948, с. 97). Кроме того, в Маньчжурию было доставлено небольшое количество плугов и пропашников, распределение которых происходило с большим трудом, так как для большинства китайских крестьян цены на эти орудия оказались недоступными. Их могли приобрести только наиболее обеспеченные «кулацкие» хозяйства или хозяйства «помещиков» (Глушаков, 1948, с. 97).

Тем не менее, в 1943 г. сбор зерновых (19,4 млн т) в Маньчжурии превысил уровень республиканского уровня – среднегодовое производство зернобобовых культур в период 1929-1931 гг. составляло 18,77 млн т. Однако эти объёмы увеличения производства аграрной продукции никак не отражались на подъёме жизненного уровня населения региона, которое к этому времени достигло 43 млн чел. (для сравнения: до японской оккупации – около 30 млн чел.); все «излишки» сбора сельскохозяйственной товарной продукции вывозились главным образом в Японию (Борисов, 1975, с. 57).

Несмотря на то, что сельское хозяйство Маньчжурии в период Маньчжоуго носило в основном товарный характер (45% посевной площади занято товарными культурами – бобами и пшеницей; товарность всей аграрной продукции Маньчжурии составляла 33%), земледелец, разорённый высокой рентой, налогами, поборами и т.д., не мог производить сколько-нибудь значительных капиталовложений в земледелие – оно носило примитивный характер и показывало тенденцию к деградации (Ленский, 1934, с. 63).

Заметим, что в Маньчжурии периода японской оккупации приток японского капитала в главные производительные сферы хозяйства – промышленность и транспорт – стали стимулировать относительно быстрые и существенные экономические перемены, постепенно превратившие регион в необычную для того времени колонию промышленного типа. Что касается сферы нашего исследования – сельского хозяйства и сельского социума Маньчжоуго, – то здесь сложилась алогичная ситуация. Японские оккупационные власти и правительство Маньчжоуго, сохранив в сельском хозяйстве региона прежний «традиционный» уклад, не изменив социальной структуры деревни, при ужесточении колониальной эксплуатации крестьянства не смогли решить ни экономических, ни социальных проблем аграрной сферы и сельского социума, законсервировав отсталость аграрной экономики и ее деградацию.

Заключение

В соответствии с поставленными в статье задачами, автор приходит к следующим выводам.

1. Процесс заселения японскими и корейскими мигрантами отчуждаемых у китайских крестьян земель в регионе не стал эффективным средством социально-экономических и технологических изменений в сельском хозяйстве, т.к. реформирование аграрной сферы и ликвидация традиционных, полуфеодальных отношений в маньчжурской деревне не проводились.

2. Сложившаяся колониальная модель управления сельским хозяйством и основным социумом деревни – китайским крестьянством – отражены в использовании традиционных систем и методов эксплуатации – арендных отношениях, земельном налоге, сборах различного уровня, военных реквизициях и трудовых повинностях.

3. В целом попытки японских властей осуществить ограниченную модернизацию аграрного производства и сельского общества региона не дали результатов.

Источники | References

1. Анучин В. А. Географические очерки Маньчжурии. М., 1948.
2. Борисов О. Советский Союз и Маньчжурская революционная база (1945-1949). М.: Мысль, 1975.
3. Глушаков П. И. Маньчжурия. Экономико-географическое описание. М.: Гос. изд-во географической литературы, 1948.
4. Захарова Г. Ф. Политика Японии в Маньчжурии. 1932-1945. М.: Наука, 1990.
5. История войны на Тихом океане / под общ. ред. Усами Сэйдзио и др.; под ред. Б. В. Поспелова. М.: Издательство иностранной литературы, 1957-1958. Т. 3: Первый период войны / пер. Б. В. Поспелова; под ред. И. А. Латышева.

6. Ленский А. Захват и освоение Маньчжурии японским империализмом. Хабаровск: Дальпартиздат, 1934.
7. Меликсетов А. В. Бюрократический капитал в Китае. М.: Наука, 1972.
8. Сапожников Б. Г. Китай в огне войны (1931-1950). М.: Наука, 1977.
9. Сапожников Б. Г. Китайский фронт во Второй мировой войне. М.: Наука, 1971.
10. Этнокультурные и социально-экономические проблемы освоения смежных территорий Северо-Восточной Азии: российский Дальний Восток, Северо-Восточный Китай, о. Хоккайдо (Япония) (XVII - первая половина XX в.). Владивосток: Рея, 2013.
11. Японцы в Маньчжурии // Вестник Азии. 1915. № 34. Кн. 2.
12. Яшнов Е. Е. Китайское крестьянское хозяйство в Северной Маньчжурии. Харбин: Тип. Кит. Вост. ж. д., 1926.
13. Chen Han-sen. Economic disintegration in China // Pacific Affairs. 1933. Vol. VI. № 4-5.
14. Japan Times. 1942. September 07.
15. Ladejinsky W. I. Manchurian agriculture under Japanese control // Foreign Agriculture. 1941. Vol. 5. № 8.
16. 満州経済十年史 (まんしゅうけいざいじゅうねんし) は、満州経済の十年史. 長春, 1942年 (Десятилетняя история маньчжурской экономики. Чанчунь, 1942).
17. 伪满洲国史. 長春, 1981 (История марионеточного государства Маньчжоуго. Чанчунь, 1981).
18. 黑龙江近代历史大事记. 哈尔滨: 黑龙江人民出版社. 1987年 (Летопись основных событий в пров. Хэйлунцзян (1840-1949). Харбин, 1987).
19. 桑润生. 日本军国主义者对我国的农业侵略 // 社会科学战线, 1987年, 2号 (Сан Жуньшэн. Сельскохозяйственная агрессия японских милитаристов на Северо-Востоке нашей страны // Шэхуй кэсюе чжаньсянь. 1987. № 2).
20. 乌廷玉. 解放前东北三省的租赁关系 // 社会科学战线. 1989年, 2号 (У Тинюй. Арендные отношения в трех северо-восточных провинциях до освобождения // Шэхуй кэсюе чжаньсянь. 1989. № 2).
21. 日本占领东北14年的主要事件纪事。沈阳: 辽宁人民出版社, 1990年 (Хроника основных событий 14 лет японской оккупации Северо-Востока. Шэньян, 1990).
22. 杰雪尊. 关于伪满洲经济五年计划 // 社会科学战线, 1981年, 3号 (Цзе Сюецунь. О Пятилетнем плане по экономике Маньчжоуго // Шэхуй кэсюе чжаньсянь. 1981. № 3).
23. 焦润明. 《盛京时报》广告所见日本对东北的奴化与掠夺 // 辽宁大学历史文化学院. 辽宁 - 沈阳, 1987. 3号 (Цзяо Жанмин. Право Японии на рабство и грабёж на СВК по материалам "Shengjing Times" // Ляонин дасюе лиши вэньсюэ хюэюань. 1987. № 3).
24. 张向冰. 学点黑龙江历史. 哈尔滨: 黑龙江出版社. 1999年 (Чжан Сянлин. Изучение истории пров. Хэйлунцзян. Харбин, 1999).
25. 张洪军. 刘英杰. 李学成. 概论日本对辽宁农村的统治. 伪满时期辽宁农村问题的调查与研究 // 辽宁大学学报. 哲学社会科学版. 2005年. 卷33. 4号 (Чжан Хунцзюнь, Лю Инцзе, Ли Сюэчэн. Японское господство в сельских районах пров. Ляонин. Исследование сельских проблем в Ляонине в период Маньчжоуго // Журнал Ляонинского университета. Издание по философии и социальным наукам. 2005. Т. 33. № 4).
26. 张云樵, 张占斌. 近代东北农村土地集中分散述略 // 东北龙村, 1986年, 第1期 (Чжан Юньцяо, Чжан Чжаньбинь. Краткое описание концентрации и рассредоточения сельских земель на Северо-Востоке в наше время // Дунбэй лунцунь. 1986. № 1).

Информация об авторах | Author information

RU

Белоглазов Геннадий Петрович¹, к.и.н.

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток

EN

Beloglazov Gennady Petrovich¹, PhD

¹ Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East
of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok

¹ beloglazov1@yandex.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 01.10.2021; опубликовано (published): 15.11.2021.

Ключевые слова (keywords): Маньчжоуго; японская оккупация; аграрный строй; аграрные отношения; сельский социум; Manchukuo; Japanese occupation; agrarian system; agrarian relations; rural population.